

УДК 81'23

Евсюнина Т.С.

Московский государственный областной университет

**ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ СЛОВ-РЕАЛИЙ РУССКИМИ
И БРИТАНСКИМИ ЧИТАТЕЛЯМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА
РАССКАЗОВ А. КОНАН ДОЙЛА О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ)**

T. Evsyunina

Moscow State Regional University

THE PROBLEM OF UNDERSTANDING WORDS-REALIA BY RUSSIAN AND BRITISH READERS (IN SHERLOCK HOLMES STORIES)

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты понимания русскими и британскими читателями слов-реалий в цикле рассказов о Шерлоке Холмсе реципиентами. На основе экспериментального исследования выявляются сходства и различия в фоновых знаниях русских и британцев. Отмечается, что в ряде случаев можно говорить о различной «глубине восприятия» отдельных лексем читателями, что должно учитываться при осуществлении межкультурной коммуникации, в частности при переводе тех или иных текстов, прежде всего – текстов художественной литературы.

Ключевые слова: национально-культурная специфика, слова-реалии, понимание текста, лексическая единица.

Abstract. The article deals with some aspects of understanding words-realia in Sherlock Holmes stories by Russian and British readers. As the result of an experiment, similarities and differences in the background knowledge of these readers are revealed. It's also stated that in some cases we can speak about different "depth" in understanding of certain lexis by readers, and this fact should be taken into consideration in the process of intercultural communication, in particular while translating various texts, especially literary fiction.

Key words: national and cultural specificity, words-realia, understanding of the text, lexical unit.

Как известно, одна из проблем, возникающих при межкультурной коммуникации, связана с наличием так называемой фоновой лексики, отражающей национально-культурную специфику, присущую коммуникантам. В отечественной науке за единицами, относящимися к такой лексике, закрепилось наименование *слова-реалии* или просто *реалии* [3]. Отметим, что в специальной литературе указывалось на некоторую неточность подобной дефиниции, поскольку «реалия – понятие экстралингвистическое» [5, с. 151]. Однако именно такое употребление данного термина в течение последних десятилетий стало преобладающим, и в подавляющем большинстве работ реалии понимаются как «названия присущих только определённым нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т. п.» [4, с. 5].

По понятным причинам разработка вопросов, связанных с пониманием и передачей реалий, осуществлялась, главным образом, в рамках теории переводоведения, для которого их решение является одной из важнейших задач как в теоретическом, так и в практическом отношении. В этой связи можно назвать широко известную работу болгарских учёных С. Влахова и С. Флорина [2], ставшую своего рода классикой в данной области. При этом, что вполне естественно, в центре внимания находились моменты, связанные со способами репрезентации указанной лексики во вторичном тексте и, соответственно, обеспечением при их передаче эквивалентности и адекватности перевода.

Однако данный пласт лексики представляет интерес и в несколько ином плане, касающемся сходств/различий в восприятии относящихся к нему (этому пласту) слов и словосочетаний русскими и британскими читателями (что может быть с некоторой степенью условности охарактеризовано как психолингвистический аспект исследования). В этом случае в центре внимания оказывается не столько качество самого перевода (хотя оно, разумеется, тоже не может полностью игнорироваться), сколько *степень понимания* той или иной лексической единицы. Разумеется, необходимой предпосылкой является отсутствие переводческой ошибки в семантике соответствующего слова (словосочетания), поскольку в последнем случае о каком бы то ни было сравнительном анализе говорить не приходится.

В предлагаемой статье содержится попытка произвести подобный анализ на материале шести рассказов А. Конан Дойла, посвящённых его знаменитому герою Шерлоку Холмсу: “A Scandal in Bohemia”, “The Five Orange Pips”, “The Adventure of Blue Carbuncle”, “The Man with the Twisted Lip”, “The Red Headed League”, “The Boscombe Valley Mystery” («Скандал в Богемии», «Пять зёрнышек апельсина», «Голубой карбункул», «Человек с рассечённой губой», «Союз рыжих», «Тайна Боскомской долины»). Русские переводы этих рассказов выполнены М.Я. Бессараб, Н.С. Войтинской, В. Михалюком, М.Н. Чуковской и Н.К. Чуковским. При наличии нескольких версий одного произведения предпочтение отдавалось переводам, в большей степени сохранявшим интересующий нас лексический пласт, независимо от художественных достоинств текста перевода в целом и удачности предлагаемого эквивалента с позиций ПЯ. Имеющиеся в русских вариантах пояснения реалий, естественно, испытуемым не сообщались.

Выбор материала исследования обуславливается, с одной стороны, широкой извест-

ностью и популярностью названных произведений не только среди британских, но и среди русских читателей, а с другой – тем, что определённая отдалённость времени их создания от современности (чуть более столетия) позволяет, наряду с собственно национально-культурным аспектом, принимать во внимание и момент хронологический, который может повлиять на восприятие тех или иных единиц обеими группами реципиентов.

Поскольку эти рассказы А. Конан Дойла адресованы широкой читательской аудитории, не лимитированной гендерными и/или возрастными ограничениями, респондентами в проведённом с вышеуказанной целью опросе выступали испытуемые (мужчины и женщины) в возрасте от 15 до 65 лет; всего – 40 человек, среди которых 20 русскоязычных и 20 британцев (см. приводимые ниже табл. 1 и 2). Опрос проводился в целом с использованием методики ассоциативного эксперимента, широко применяемого в психолингвистических исследованиях (см., в частности, [1]). Однако в соответствии с целями нашего исследования, характер эксперимента был несколько изменён: испытуемых просили ответить не на вопрос о связи данного слова с другими, образующими с ним соответствующее ассоциативное поле, а объяснить значение предлагаемых слов-стимулов. В связи с этим участникам эксперимента представилась возможность ознакомиться с контекстом тех предложений, в которых эти слова фигурировали. Всего в рассмотренных текстах нами было обнаружено 273 единицы, представляющие различные типы реалий, из которых для опроса отобрано 26 единиц. Поскольку ограниченный объём статьи не позволяет представить результаты, полученные по всем реалиям, ниже приводятся несколько наиболее интересных, с нашей точки зрения, ответов участников эксперимента.

Таблица 1

Русскоязычные респонденты

| № | Пол | Возраст | Место рождения | Место проживания | Образование |
|----|---------|---------|-----------------|------------------|------------------------------------|
| 1 | мужской | 49 | Лиски | Москва | высшее (ОТИИ) |
| 2 | женский | 44 | Ташкент | Москва | среднее специальное (ТПКИТ) |
| 3 | мужской | 19 | Симферополь | Москва | неполное высшее (МАБиУ) |
| 4 | мужской | 55 | Москва | Москва | высшее (МГТУ им. Н.Э. Баумана) |
| 5 | женский | 60 | Серпухов | Москва | высшее (МГУ) |
| 6 | женский | 26 | Химки | Химки | высшее (МГОУ (областной)) |
| 7 | женский | 19 | Нижний Новгород | Москва | неполное высшее (РГТЭУ) |
| 8 | мужской | 19 | Электросталь | Электросталь | неполное высшее (НИЯУ МИФИ) |
| 9 | женский | 22 | Москва | Москва | высшее (МГУПС-МИИ) |
| 10 | мужской | 22 | Москва | Москва | высшее (МЭИ) |
| 11 | мужской | 20 | Москва | Москва | неполное высшее (МИЛ) |
| 12 | женский | 18 | Москва | Москва | неполное высшее (МЭСИ) |
| 13 | мужской | 35 | Балашиха | Москва | высшее (МЭСИ) |
| 14 | мужской | 22 | Москва | Москва | высшее (МГОУ (областной)) |
| 15 | женский | 21 | Руза | Москва | неполное высшее (МГОУ (областной)) |
| 16 | мужской | 16 | Москва | Москва | неполное среднее (СОШ № 1980) |
| 17 | мужской | 26 | Одинцово | Москва | высшее (МГОУ (областной)) |
| 18 | женский | 16 | Москва | Москва | неполное среднее (СОШ № 2007) |
| 19 | мужской | 52 | Липецк | Липецк | высшее (ЛГТУ) |
| 20 | мужской | 22 | Жуковский | Жуковский | высшее (МГОУ (областной)) |

Таблица 2

Англоязычные респонденты

| № | Пол | Возраст | Место рождения | Место проживания | Образование |
|---|--------|---------|----------------|------------------|--|
| 1 | male | 15 | Hamilton | Hamilton | начальная школа (Glenlee Primary School) |
| 2 | male | 40 | Manchester | Manchester | высшее (Nottingham University) |
| 3 | male | 35 | Worcester | Worcester | высшее (University of Sussex) |
| 4 | female | 28 | London | London | среднее (St. George College in London) |
| 5 | male | 55 | Liverpool | Liverpool | высшее (The University of Liverpool) |
| 6 | female | 28 | Wakefield | Wakefield | высшее (The University of Kent) |
| 7 | male | 41 | London | London | высшее (The University of Birmingham) |
| 8 | female | 33 | Chesterfield | London | высшее (The Derby University) |
| 9 | male | 65 | Anerley | London | высшее (The University of Wales) |

Окончание таблицы на с. 55

Окончание таблицы 2

| № | Пол | Возраст | Место рождения | Место проживания | Образование |
|----|--------|---------|----------------|------------------|--|
| 10 | female | 25 | Aldershot | Bristol | среднее (Grammar School in Plymouth) |
| 11 | female | 19 | London | Birmingham | неполное высшее (The University of Birmingham) |
| 12 | male | 39 | Cromer | Cromer | высшее (The Stirling University) |
| 13 | male | 21 | Bristol | Moscow | неполное высшее (RUDN) |
| 14 | male | 31 | Bournemouth | Bournemouth | среднее (The music college in the Bournemouth area) |
| 15 | male | 19 | Cornwall | Cornwall | неполное высшее (The University of Essex) |
| 16 | female | 19 | Plymouth | Bristol | неполное высшее (The University of the West of England in Bristol) |
| 17 | female | 26 | Weybridge | Weybridge | высшее (The University of Leeds) |
| 18 | female | 18 | London | Harrow | среднее (The Harrow Lodge College) |
| 19 | female | 27 | London | London | высшее (The University of Glasgow, Scotland) |
| 20 | male | 36 | Lerwick | Lerwick | высшее (The University of Stirling) |

Реалия, наиболее часто используемая в изучаемом материале – наименование улицы **Baker Street (Бейкер-стрит)**. Как показывает результат эксперимента, английские респонденты указывают: **50%** – «название улицы в Лондоне в северной части Вестминстера»; **45%** – «улица, на которой жил Шерлок Холмс»; **5%** – «улица, на которой расположено много коммерческих и торговых зданий». Русскоязычные испытуемые отреагировали следующим образом: **75%** – «название улицы в Лондоне»; **20%** – «улица, где жил Шерлок Холмс»; **10%** – «вымышленная улица». На первый взгляд, с героем А. Конан Дойля у русских читателей ассоциаций значительно меньше, чем у английских; однако, думается, что последний ответ, несмотря на его явную ошибочность, тоже имеет отношение к великому детективу: испытуемые, скорее всего, исходили из того, что, поскольку названная улица фигурирует в литературном источнике, то является вымышленной. В то же время наиболее распространённый ответ демонстрирует стремление к большей детализации со стороны английских участников: уточняется район английской столицы, в котором она расположена, – деталь, которая полностью отсутствует в русскоязычных ответах.

Как показал анализ восприятия наименований денежных единиц на слово-стимул **Pound**, реакция британских испытуемых совпала полностью – «денежная единица». На слово-стимул **Crown** были реакции: **70%** – «английская монета»; **25%** – «монета с номиналом в пять шиллингов»; **5%** – «монета номиналом в 25 пенсов». Реакция на слово-стимул **Guinea**: **70%** – «одна из старинных английских монет»; **30%** – «английская монета». **Penny**: **90%** – «мелкая английская монета»; **10%** – «одна из самых мелких английских монет». Слово-стимул **Sovereign**: **90%** – «монета, которая сейчас не используется»; **10%** – «монета 1800–1900 годов».

Реакции русских участников эксперимента были значительно разнообразнее:

- **фунт**: **80%** – «английская монета»; **10%** – «одна из мировых валют»; **10%** – «английская монета, примерным номиналом в 50 рублей»;
- **крона**: **60%** – «старинная монета»; **20%** – «одна из старинных монет в Англии»; **20%** – «первая монета в Англии»;
- **гинейя**: **95%** – «монета»; **5%** – «скорость»;
- **пени**: **60%** – «одна из английских монет»; **40%** – «мелкая английская монета»;

– **соверен: 100%** – английская монета.

Таким образом, можно констатировать, во-первых, известную национальную специфику определения стоимости фунта в некоторых ответах (английские испытуемые соотнесли его с другими денежными единицами Британии, тогда как русские сопоставляли с наименованиями собственной валюты), во-вторых, убежденность довольно значительного числа русских участников в том, что крона является первой английской монетой (примечательно, что британские участники такого ответа не дали вообще), в-третьих, наличие у русских испытуемых абсолютно ошибочного (хотя и в процентном отношении небольшого) ответа относительно гиней. С другой стороны, английские участники эксперимента при характеристике **соверена** отметили исторический аспект, указав на отсутствие данной единицы в современной денежной системе, тогда как русские испытуемые идентифицировали её аналогично слову «фунт» – просто как английскую монету без каких-либо временных рамок. Почти идентичными можно считать и реакции на слово «пени», хотя, в отличие от русских респондентов, подавляющее большинство британцев сочло необходимым указать, что это именно мелкая монета.

Поскольку на протяжении многих столетий Британия являлась ведущей морской державой, что не могло не отразиться в языке и культуре, в опросник было включено понятие **Lloyd's registers** (в русском переводе – «ллойдовский журнал», т. е. 'регистр, содержащий названия кораблей, их даты захода и выхода из портов с именами капитанов и судовладельцев, один из важнейших документов этой сферы'). Пожалуй, в данном случае различие между английскими и русскими испытуемыми проявляется особенно ярко. Хотя среди первых, по имеющимся у нас данным, не было специалистов в области судоходства и морского права, **70%** из них дали достаточно точный ответ – «журналы записи в портах с информацией о кораблях и их тоннаже» и только **30%** затруднились ответить. Ответы же русских респондентов по-

казали гораздо более пёструю картину: **40%** – «журнал с регистрациями», **30%** – «журнал, принадлежавший господину Ллойд», **20%** – «журнал бухгалтерского учёта в фирме», **10%** – затруднились ответить.

Таким образом, можно констатировать, что большинство русских респондентов соотнесло данную реалию с понятием «регистрационно-учётный журнал», хотя контекст, в котором оно было представлено («Я провёл весь день над **ллойдовскими журналами** и связками старых бумаг»), – в принципе, не может считаться достаточно однозначным. Однако «глубина понимания» у русских испытуемых оказалась ниже, чем у английских, – никто не связал реалию с областью морского дела и судоходства.

В какой-то степени аналогичная картина наблюдалась по отношению к реалии, относящейся к религиозной сфере – словосочетанию **Nonconformist clergyman** (в русском переводе – «служитель неконформистской церкви»). Если среди английских участников **100%** ответов составила трактовка «священник неконформистской церкви», то среди русских респондентов **85%** ответили, что это «служитель одного из европейских церковных направлений», а **15%** затруднились ответить. Таким образом, с английской действительностью это понятие не связал ни один из русских участников, что представляется весьма показательным. С другой стороны, английские испытуемые не сочли нужным дать более подробное толкование самому понятию «неконформистская церковь», исходя, видимо, из предположения о его достаточно широкой известности.

В рамках нашего исследования нам представляется целесообразным рассмотреть ситуацию с лексемами, обозначающими различные средства передвижения, поскольку большинство используемых автором слов, относящихся к видам транспорта (за исключением, пожалуй, железнодорожного сообщения), давно перешло в разряд историзмов как в русской, так и в британской действительности. В проанализированных текстах нами обнаружены следующие лексические

единицы, обозначающие различные типы экипажей на конной тяге: *brougham*, *cab*, *dog-cart*, *hansom*. В использованных для эксперимента русских переводах им соответствуют: *брум*, *кэб*, *двуколка* и *хэнсом*. Результаты эксперимента, реакции на эти слова-стимулы выглядят следующим образом.

Английские участники дали следующие ответы:

- **brougham**: 80% – «старинный экипаж»; 15% – «экипаж на конной тяге, названный в честь его конструктора»; 5% – затруднились ответить;
- **cab**: 50% – «в прошлом – экипаж на конной тяге»; 40% – «аналог такси сейчас»; 10% – «средство передвижения по улице»;
- **dog-cart**: 100% – «двухколёсный экипаж на конной тяге»;
- **hansom**: 100% – «один из средств передвижения в виде экипажа на конной тяге».

При рассмотрении результатов ответов русских респондентов, учитывалось, что если три из представленных в данном списке реалий были переданы на переводящем языке при помощи транскрипции (т.е. с сохранением их иноязычного облика), то для слова *dog-cart* переводчики избрали русский функциональный аналог, что лишило это слово английского национального колорита. Ответы респондентов выглядят следующим образом:

- **брум**: 35% – «каре́та»; 30% – затруднились ответить; 25% – «королевский извозчик»; 10% – «слуга»;
- **кэб**: 70% – «повозка, запряжённая лошадьми»; 10% – «английское такси»; 5% – «экипаж для состоятельных слоёв населения»; 5% – «извозчик»; 5% – «каре́та»; 5% – затруднились ответить;
- **двуколка**: 100% – «одна из разновидностей конного экипажа»;
- **хэнсом**: 85% – «разновидность транспортных средств на основе лошадиной тяги»; 10% – затруднились ответить; 5% – «привлекательный мужчина».

Таким образом, можно констатировать, что русские испытуемые с данной группой реалий знакомы в общих чертах: большая часть соотнесла предъявленные стимулы с

передвижением на конной тяге, однако без дальнейшей детализации, или с тем, что можно назвать «метонимическим сдвигом»: наименование средства передвижения было перенесено на лицо, им управляющее. Очевидно, значительно менее знакома отечественному читателю реалия **brougham**, как свидетельствуют результаты анализа. Среди них наиболее любопытный ответ-реакция – «привлекательный мужчина». Можно предположить, что этот ответ свидетельствует о некотором знакомстве респондентов с английским языком: скорее всего, он спровоцирован значением английского слова *handsome* (кстати, само название восходит к фамилии изобретателя данного типа экипажа, чего – в отличие от *brougham* – не указали и английские респонденты).

В заключение остановимся на одном примере, где воспроизведение контекста явно необходимо: “When you see a man with whiskers of that cut and the **‘Pink ‘un’ protrudingp out of his pocket**, you can always draw him by a bet.” Английские испытуемые дали следующие ответы: 50% – «одна из английских газет, издававшихся на розовой бумаге»; 30% – «английская газета о спорте, издававшаяся на розовой бумаге в XIX веке»; 20% – затруднились ответить. Таким образом, подавляющее большинство достаточно уверенно связало данную реалию с областью печатной продукции, хотя меньшая часть участников эксперимента уточнила, что речь идёт именно о газете, имеющей отношение к спортивным новостям. Имелась в виду газета “Sporting Life”, в которой много места отводилось информации о скачках – обстоятельство, позволившее Шерлоку Холмсу сделать вывод о том, что человек, о котором идёт речь, по натуре азартен. Отметим, что в переводе Н.К. Чуковской дан явно ошибочный вариант: «Если у человека такие бакенбарды и такой **красный платок в кармане**, у него можно выудить всё что угодно, предложив ему пари», – что, естественно, исключало его использование. В. Михалюк предложил следующую передачу: «Когда видишь человека с такими бакенбардами и **торчащей из кармана «Розовой»**,

предложи ему пари и узнаешь всё, что тебе нужно», – которая и была предъявлена опрашиваемым без имеющегося в тексте перевода пояснения. Ответы распределились следующим образом: **40%** – «роза»; **15%** – «розовый платок»; **10%** – «розовая роза»; **10%** – «обрывок розовой бумаги»; **10%** – «искусственная роза розового цвета, вроде бутоньерки»; **10%** – затруднились ответить; **5%** – «духи «Розовая вода». Таким образом, ни один из них не отражает даже общую понятийную сферу принадлежности данной реалии, что позволяет констатировать её нулевое понимание со стороны отечественных читателей – единственный подобный случай в проведённом эксперименте.

Подводя итог нашему исследованию (носящему, естественно, ограниченный и предварительный характер), можно сделать следующий вывод. В целом русскоязычная аудитория в большинстве случаев правильно определяла

ту область, к которой относятся предложенные для опроса реалии (то, что в терминах теории лексического поля можно определить как интегральную сему). Однако «глубина понимания» (дифференциальные семы) часто оказывалась значительно ниже, чем у английских испытуемых, что, несомненно, необходимо учитывать при осуществлении межкультурной коммуникации и межъязыковой передаче соответствующих текстов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белянин В.Л. Введение в психолингвистику. – М.: ЧеРо, 2000. – 128 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Высшая школа, 1986. – 416 с.
3. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
4. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы: Пособие по страноведению: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высшая школа, 1988. – 239 с.
5. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода. – М.: Высшая школа, 1983. – 303 с.